

історичними реаліями чи фактами, на які покладено печать прототипу, цілком ймовірна. В той же час ступінь їх синкретичності залежить від багатьох факторів - від позатекстуальних до позалітературних взагалі, включення яких до системи аргументації залежить від поінформованості дослідника.

Об'єктивність вимагає визначити, що сцієнтична позиція Івана Сенька – це помітний крок до осягнення художнього історизму Гоголя. Але ось на що доводиться звернути увагу. У дослідницькому мініциклі І.Сенька чомусь мовчить сам Гоголь в його авторській іпостасі, не чує його авторитетного слова. Скоріш за все має рацію ужгородський дослідник, коли наприкінці зауважує, що для того "щоб зрозуміти твір письменника, треба піднятися на рівень його поінформованості" (С. 94). Важко не погодитися. Але тоді пошук потрібно вести у декількох аналітичних площинах з врахуванням власне поетики художнього твору, внутрішньої динаміки суб'єктивно-історичної концепції автора та сучасного знання про відтворювану письменником історичну картину світу. У цьому сенсі, я вважаю, і слід тлумачити пошук історичних "хвостиків" у Миколи Гоголя.

Нема сумніву, що вельми цікава праця Івана Сенька наближує нас до осягнення творчого феномену письменника через призму історії.

І повертаючись до початкової думки розмови, зверненої до базової категорії розглядуваних праць, відзначу, що і В.Зарецький, і І.Сенько здійснили значну пошукову аналітичну роботу, здатну слугувати основою для подальшого дослідження цієї проблеми. Тут доречна думка відомого російського історика В.Ключевського про те, що історія навчає тих, хто її вивчає.

Федор Евсеев

Об архетипах земли и власти в творчестве Н.В.Гоголя

Иваницкий А.И. Гоголь. Морфология земли и власти. К вопросу о культурно-исторических основах подсознательного. – М.: Российский гос. гуманитар. ун-т., 2000.–188 с.

Последнее десятилетие знаменательно крупнейшим информационным "взрывом" в сфере гуманитарных наук. С одной стороны, форсированными темпами издаются многотомные или внушительные однотомные "собрания сочинений" выдающихся ученых-филологов и философов (Ю.М.Лотмана, В.Н.Топорова, Вяч. Вс. Иванова, Б.А.Успенского, Н.И.Толстого, С.С.Аверинцева, Р.О. Якобсона, М.А.Гаспарова; А.Ф.Лосева, П.А.Флоренского, С.Н.Булгакова и др.), с другой – переиздается или же издается по архивным материалам "не востребованная" в годы "социалистической культуры" художественная и культурологическая продукция (Н.Гумилев, М.Кузьмин, А.Крученых, В.Хлебников, С.Есенин, А.Ахматова; К.Малевич, П.Филонов,

В.Кандинский, И.Пунин и пр.). Все эти радикальные изменения в континуальном пространстве культуры сопровождаются невиданными ранее решительными переломами и трансформациями в области аналитических рефлексий – эпистемологий и парадигм. В контекст "культурного ренессанса" славянских и других народов посттоталитарного режима органически включаются издания ранее недоступных или "нежелательных" для широкой аудитории произведений Н.В.Гоголя – здесь достаточно назвать подготовленное В.В.Воропаевым и И.А.Виноградовым Собрание сочинений Н.В.Гоголя (М.,1994). Явственно обозначились и новые акценты в интерпретаторской методологии творчества писателя. Они наличествуют, в частности, и в недавно вышедшей монографической работе А.И. Иваницкого "Гоголь. Морфология земли и власти. К вопросу о культурно-исторических основах подсознательного".

Заглавие работы свидетельствует о попытке автора реконструировать архетипические структуры творчества Н. Гоголя, исходя из принципов психоанализа в его литературоведческой ипостаси. Подобное исследование, охватывающее большую часть художественного наследия Н. Гоголя в связи с его биографией, было осуществлено лишь однажды – в монографическом труде одного из основоположников российского варианта психоанализа проф. И.Д. Ермакова "Очерки анализа творчества Н.В. Гоголя" (М., Пг., 1924; у Иваницкого – 1923 год.). Собрание работ И.Д. Ермакова, посвященных творчеству А.С. Пушкина ("Этюды по психологии творчества А.С. Пушкина" – М.-Пг., 1923), Н.В. Гоголя ("Очерки по анализу творчества Н.В. Гоголя" – М.-Пг., 1924) и Ф.М. Достоевского ("Ф.М. Достоевский (он и его произведения)") – по машинописному оригиналу, а также некоторые его другие работы недавно переизданы в книге: И.Д. Ермаков "Психоанализ литературы: Пушкин, Гоголь, Достоевский" (М., 1999) с обстоятельной вступительной статьей А.Эткинда и дочери И. Ермакова М.И. Давыдовой. К этому изданию нам еще предстоит обращаться.

По словам А. Иваницкого, предметом его работы является "не поэтика Гоголя, а культурная антропология "маленького человека" нового времени, отраженная Гоголем и воплощенная в его "архисюжете"(С.5). Архисюжет в свою очередь детерминируется системой архетипов: "Подспудным мотивом гоголевского творчества выступает, очевидно, "освоение", преобразование или преодоление архетипа. Троп указывает на исток "современного" сюжета. Последний же объективно выступает новой стадией сквозного действия архетипов, в ходе которого те раскрывают (осуществляют) свой смысл. Эволюция поэтических форм – отражение сквозного действия архетипа. Оно и составляет архисюжет Гоголя". Приведенный фрагмент представляет, собственно говоря, исходную исследовательскую установку автора и она, если судить с позиции некоторого опыта наших рефлексий над гоголевским текстом, сформулирована идеально. Несколько иное дело – ее практическая реализация.

Из внушительного числа архаических тропов, пронизывающих весь континуум творчества писателя, в качестве самодостаточных А. Иваницким избираются два – архетип земли и архетип власти. В свою очередь, каждый из

данных архетипов соплагается с системой семантически близких образов (тропов/архетипов). Образы, гомологически соотносимые с архетипом земли, выстраиваются в цепь "восуществлений" олицетворенной земли, которыми она "подчиняет человека себе: дом – зверь как близнец – жена/ведьма – одежда – часть тела – "душа" его (т.е. Гоголя – Ф.Е.) собственное "я" (С. 11). Как в приведенной сентенции, так и примерах на С. 9-11 книги, призванных ее аргументировать, замечаем, что добрая часть из них – от буквы Е до Л, то есть 6 из приводимых 11, ничего общего с архетипом земли не имеет. А серия действенных аргументов была бы весьма кстати, поскольку, как полагает А. Иваницкий, архетипические модели, уходя в подсознание писателя, "делаются сверхважными", формируя его мировосприятие, "морфологию души".

Следует также заметить, что автор работы не поясняет, какой смысл вкладывает он в понятия "архетип земли" и "архетип власти"; семантическая экспликация этих главенствующих в исследовании понятий – едва ли не методологических категорий – представляется просто необходимой, поскольку в ментальностях народов не существует архетипа земли, как и архетипа власти, "вообще", со строго фиксированным и однозначным объемом содержания. Архетип земли (иначе – теллурический) представляет собою действительно одну из самых значительных, весьма разветвленных, важнейших в само- и мирочувствовании человека мыслительных мифологических (и отчасти ритуальных) структур сознания, уходящих своими истоками в почтенную древность палеолита и особенно неолита. К основным инвариантным образованиям, репрезентирующим архетип земли как таковой, следует отнести: а) геогонический, представленный в свою очередь двумя различными дискурсами: (1) доставанием горсти земли из морских (водных) глубин с последующим ее рассеиванием и (2) сотворением земной тверди и прочих космологических компонентов из "мирового" яйца; б) земля – Великая Мать (родительница) всего сущего; в) земля – Богородица (и ее алловоплощения); г) земля в виде камня ("Алатыря") как центр и основа мироздания; д) сакральная распашка земли "святыми" (Богом, Богородицей, апостолами); е) земля как рождающее чрево (лоно); ж) земля в форме "Мировой Горы" (= Космической Оси = Древа Мирового): ср.: смерть Ильи Муромца на Святой Горе; з) земля в ипостаси поглощающей рождающей пещеры; и) земля как преисподняя – ад и всетворящая субстанция – рай; к) земля как объект жертвоприношений, в том числе человеческих. О названных и других моделях архетипа земли существует большая исследовательская литература, из числа которой укажем лишь наиболее значительные источники: главы "Земля, женщина и плодородность" и "Земледелие и культы плодородия" монографической работы М. Элиаде "Трактат по истории религий" (Спб., 1999. – Т.2) и статью О. Беловой, Л. Виноградовой и А. Топоркова "Земля" из второго тома "Славянских древностей: Этнолингвистического словаря под ред. Н.И. Толстого" (М., 1999. – С. 315-321). Каждый из приведенных и иных архетипов земли обладает самодостаточным смысловым статусом, онтологической субстанциональностью, дискурсивной целостностью семиотичности и континуальности – то

есть является "подлинным" архетипом в общепринятом, литературоведческом и культурологическом, значении термина. Из целого ряда теллургических архетипов А. Иваницким с достаточной обстоятельностью исследуются преимущественно архетип земли – рождающего лона и его инвертированный вариант земли как преисподней. Автор рассматривает указанные архетипы только на материале гоголевских произведений, оставляя в стороне весь значительный контекст ментальных традиционных землелогических архетипов. Данное обстоятельство приводит к снижению теоретического уровня содержательной в целом работы А. Иваницкого и, кроме того, сужает аналитическую перспективу, примером чему является пропуск такого яркого "теллурического" моделирования структуры персонажа, как "подземный" переход Андрия (с его плотными и системными мифоритуальными ассоциациями и коннотациями), влекущий за собой внутреннее перерождение, преобразование героя. Аналогичным образом обстоят дела и с архетипом власти.

Самое начало гоголевского архисюжета автор соотносит с повестью "Страшная месть". В произведении "поколения – близнецы – ступенчатые метонимии олицетворенной земли..., которые по исполнении временного цикла возвращают колдуна (последнее колено самовоспроизводящейся земли) во власть земляного (м.б., все-таки, земного? – Ф.Е.) поглощающего центра (мертвецы "грызут" мертвеца)" (С. 36). Следствием этого процесса является то, что "человек, находящийся внизу иерархии порождений олицетворенной земли, выступает поэтому как ее последний плод, последний слуга и последняя (главная) жертва ее властного действия" (там же). Данное положение, если его экстраполировать на весь художественный мир творчества писателя, представляется весьма значительным и может быть одним из конструктивных инструментов исследования "землелогических" архетипов литературного творчества. В последующем изложении – развитии и анализе архетипических в основе "тропов" архисюжета – встречаем как весьма "расхожие" и едва ли не на уровне трюизмов размышления о тотемистических предках/мертвецах, земле как женском лоне, ритуализации (и "фенимизации") одежды и обрядов, соотношения женского и мужского начал в носо/фаллическом контексте и гоголевской "женобоязни", нередко имеющие весьма отдаленные отношение к архетипу земли (также ведьмы, черти, дороги, коляски и пр.), так и весьма значительные, новые акценты и в разрабатываемой проблеме, и гоголеведения в принципе – о прозрении Гоголем трагизма нового времени "в угасании не одушевленной более земли" – России и мира в целом: "Земля без формы и смысла – "пуста" (С. 28-29 и след.).

В несколько меньшей степени, нежели многомерные изменения архетипической модели "земли", А.Иваницкий исследует другую инвариантную мыслительную структуру – структуру "власти" – в ее народно-массовой экзистенции и в гоголевских образных вариациях с их последующей экстраполяцией на индивидуальную судьбу писателя. Автор достаточно убедительно демонстрирует онтологическую близость мифо-логем земли и власти, что позволяет ему данный семантический "бином" рассматривать в

качестве логического компонента архисюжета Гоголя. Можно соглашаться или не соглашаться с мнениями А.Иваницкого о якобы желанном Гоголю чудесном богатыре – чудесном царе эпоса и преданий и что "заклинаемый" Гоголем этот чудесный царь был связан с русским имперским барокко XVIII века, а не с архаикой (архаика, кстати, с ее тотемным предком этносов, как об этом пишет и сам А.Иваницкий, немало способствовала утверждению "божественной" избранности первопредка, – что в историческую эпоху было транспонировано на всех без исключения власть имущих); что ставил Гоголь выше – пафос одического имперского барокко или же "слова церковных пастырей" и народнопоэтическую культуру; видел ли Гоголь задачу "Мертвых душ" в "довершении дела Ломоносова" или это не совсем или даже и вовсе не так; являлся ли для Гоголя полицейский только "магом" или же он обладал своей собственной серией "ипостасей"; воспринимал ли Гоголь "властный" Петербург мифологемой с отрицательным знаком или же у него были на сей счет и другие соображения и пр.

Однако обратимся к резюмирующей части исследования, где речь идет об архетипе власти: "Гоголь отразил душевную "беззащитность" маленького человека нового времени перед десакрализацией мира. С исчезновением чудесного царя просвещенного абсолютизма, олицетворявшего землю и власть как тело и текст, архетипы архаической земли (и власти? – Ф.Е.) перешли из подсознания в сознание "маленького человека". Мир (и замещающая его необъятная Россия) стал воронкообразным пространством поглощения (вий, лесной дед и пр.)" (С.159) Согласно логике этого вывода, подтверждаемого в книге и другими соображениями, во времена "просвещенного абсолютизма" (Петр I – Елизавета – Екатерина II – от "Ломоносова до Державнина") срабатывал ментальный архетип "чудесного", "просвещенного", "сакрального" и, надо полагать, традиционно "доброего" царя, а в эпоху николаевской монархии произошел процесс "снятия" чудесной олицетворенности Империи: "После 14 декабря 1825 года она превратилась в военно-полицейскую иерархию, где торжествует анонимный государственный принцип. Сам же центр (царь) стал в новом веке "первым чиновником"...(С. 27).

Итак, приходится заключить: либо А.И.Иваницкий взял на себя ответственность за утверждение о разрушении одного из фундаментальных архетипов русского народа – веры в "доброего" царя в первой половине XIX в., либо данная ментальная структура не обладает статусом и, соответственно, функцией архетипичности. Однако специалисты в области политических технологий этносов и проблем ментальности склонны считать, что мифологема "доброего" царя является весьма устойчивой, т.е. действительно архетипической. Например, С.В.Лурье приводит следующую формулировку Л. Троцкого: "Если бы белогвардейцы догадались выбросить лозунг "кулацкого" (т.е. крестьянского – С.Л.) Царя, – мы не удержались бы и двух недель" (Лурье С.В. Историческая этнология. – М.,1997. – С. 325). Этот же автор обращает внимание на другой весьма показательный эпизод: в период революции 1905 г. крестьяне Харьковской губернии говорили, "что идет великий князь Михаил, *раздает земли* (Курсив наш. – Ф.Е.) и разрешает

грабежи. Князь облачается крестьянским воображением в особенную одежду. Он сияет. Ему приписываются сверхъестественные силы" (Там же. – С. 326). Последний пример, как убеждаемся, разительно напоминает "чудесного" царя времен абсолютизма XVIII века – здесь и его связь с землей – он ее полновластный хозяин, и сакральная аура, и сверхъестественные возможности. Да и вообще, зачем далеко ходить, – иные нынешние гоголеведы России, говоря о Николае I, которого еще недавно называли – справедливо – "кровавым", именуют его не иначе, как "Государь" и "Император". Так что с трансформацией архетипа "доброего" царя (как и, впрочем, архетипа земли – вспомним глубокие исследования Г.И.Успенского о "культе земли" русского крестьянства середины XIX века) выходит явная неувязка... Если говорить откровенно, то, на наш взгляд, книга А.И.Иваницкого значительно бы выиграла, если бы ее автор захотел написать о специфике трансформаций народных (славянских и других народов мира) ментальных архетипов земли и власти в творчестве Н.В. Гоголя, не касаясь сложных и едва ли поддающихся объективному анализу проблем подсознательного биографии и художественного наследия писателя. Литература о народном мировидении через посредство архетипов земли и власти представительна (В.Маннхардт, Дж.Фрезер, С.Н.Булгаков, Г.П.Федотов, А.Л.Топорков, Б.А.Успенским, А.Н.Афанасьев и др.). Конечно, это была бы уже другая книга. Нам остается исходить из того, что сосредоточено в рецензируемом исследовании. В качестве безусловного результата работы А.Иваницкого следует, по нашему мнению, признать, что ему, со всеми известными оговорками, удалось аргументировать наличие сквозного архисюжета земли в творческом континууме писателя; другая архисюжетная линия – власти, как представляется, проявлена только пунктирно. В этом и заключаются действительные "гоголеведческие" открытия ученого, чего не так уж и мало. Как мы попытались обосновать, подобных открытий могло быть значительно больше, если бы А.И.Иваницкий убедительно продемонстрировал мировоззренческую и социальную роль традиционных ментальных архетипов, а также их эволюцию в гоголевском архисюжете. К сожалению, последние оказались далеко на периферии той конструктивной аналитической методологии, которую избрал автор исследования. Психоаналитический аспект (проблема бессознательного) работы требует, естественно, отдельного рассмотрения.